

Наталья
Кошель

Дети
меланхолии

Прошлое - не твоя судьба

18+

Наталья Кошель
Дети меланхолии

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кошель Н.

Дети меланхолии / Н. Кошель — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Прошлое хранит множество тайн, внутренних и внешних демонов, и герои Кошель Натальи решаются открыть его дверь, поблагодарить и закрыть навсегда. Почему брат и сестра не виделись всю свою жизнь? Вернется ли кто-нибудь жить в старый дом семьи Кожевниковых? От чего или кого спас волк девочку Лиду? С этими и другими героями похожими на нас вы сможете встретиться в рассказах.

Содержание

Зов из прошлого	5
Просто длинная дорога	8
Возьми меня за руку	11
Вера Петровна	13
Лида и волк	15
Любовь	17
Странный сон	18
История моих родителей	20
За чертой	22
Лиза, Степка, Света и другие обстоятельства	23
1 часть	23
2 часть	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Зов из прошлого

– Я же вижу вы не хотите со мной говорить!

Карина отвернулась от клиента и посмотрела на часы. Еще пять минут говорила она себе, и он все поймет. Мужчина внезапно вскочил, схватил свой зонт, чемодан и выбежал.

Карина вздохнула, встала и повернулась к окну. За окном виднелся большой город, высокие огромные здания, которые Карине в первые годы здесь казались прекрасным архитектурным снаряжением. А вдалеке виднеется океан.

Когда ее пригласили на стажировку, Карина сразу же согласилась, и светилась от счастья после подписания контракта. Но прошло время, вернулись воспоминания, сны. И опять начались, как и на родине проблемы с клиентами.

У нее не было семьи, и Карина не позволяла себе сближаться с людьми и поэтому ее прошлое настойчиво прорывалось через других людей. Приходил человек похожий на ее отца, на мачеху, старших братьев. Повторяли манеры одеваться, говорить, поправлять волосы, оплачивать счет за ее услугу.

И Карина знала, что будет дальше. Все повторится, и она опять сбежит, и забудет. И люди, события вернутся вновь.

Виталий вышел во двор. Было темно как может быть темно на хуторе, где нет фонарей, плохо работает электричество и интернет. И магазин, автолавка приезжает раз в неделю, и каждый раз совсем несимпатичная продавщица пытается тебя обсчитать. Виталий не обращал внимание на летающих комариков и непонятные шорохи в кустах. Сны его пугали больше чем реальность. Из-за них он сбежал из города, бросил жену и маленького сына, и высокооплачиваемую работу.

Но каждую ночь ему снились плачущие дети, кровь, умирающий старик. Виталий обращался к психологу, пил таблетки, ложился в больницу. Он боялся, что сойдет с ума, причинит боль себе и близким. Как же он ненавидел ночи!

И как любил утро! На рассвете многое казалось просто красивым, трогательным, безопасным. Утром к нему постучалась девушка. Виталий услышал стук, потом лай своего мохнатого дружка, попискивание котят которых недавно принесла кошка.

Девушка была милой и приветливой, говорила с легким акцентом.

– А вы откуда? – спросил Виталий, рассматривая ее небольшой чемоданчик, джинсы, кроссовки, рубашку, светлые волосы.

– США. Нью-Йорк, просто и буднично сказала она как будто сейчас не стояла на белорусской земле небольшого домика.

– Ого! Понятно. Хотите борщ?

– Конечно. И драники, и квас, и кефир, – она опять улыбнулась и поправила волосы.

От этого жеста сердце Виталия отчаянно заколотилось.

– Что с вами? – спросила она.

– Не знаю. Я плохо сплю уже очень много лет.

– Я тоже. Вы обещали мне борщ.

Карина уже через три дня общения с Виталием перестала ругать себя за нечаянный отпуск, выброшенные деньги, свой порыв приехать сюда и к нему. Виталий был интересным собеседником, хорошо готовил, рассказывал про травы и деревья, сынишку. Про сына говорил очень мало, как будто не имел право.

Одиночество может быть нужным, необходимым и даже полезным чтобы разобраться, сложить, отдохнуть от суеты и будней. Но Карина понимала, что у нее и Виталия одиночество вынужденное.

В одну из ночей, когда Виталию показалось что он заснул и очень крепко проснулся от того что кто-то его тряс за плечо. Сначала он решил, что жена. И Карина это почувствовала.

– Виталий, я не совсем была с тобой честной.

– Ты сейчас, о чем?

– Я приехала к тебе. Мы знакомы.

Виталий окончательно проснулся. Карина взяла его за руку. Он вспомнил тот кошмарный день. Родители снова ругаются. А если быть точнее мать кричит, отец молчит. Братья и сестра разбежались кто куда чтобы не попадаться на глаза обоим. Отец доел суп и вышел на улицу. Мать продолжала орать ему в окно, не обращая внимания на соседей и детей.

Отец не вернулся ни в ту ночь, ни в последующую. Он бросился под колеса машины.

Мать продолжала кричать уже на детей, била нещадно за каждую двойку, неправильный взгляд, вздох, плохо помытую посуду. Дети выли от боли. Один из братьев сбежал из дома, его искали несколько дней и нашли в речке. Их семьей заинтересовались органы опеки. Детей забрали в разные детдома.

Они никогда не виделись.

– Ты моя сестра? – Виталий крепко сжимал руку Карины.

«Теоретически нет», – хотела сказать Карина. Когда ее отец женился на матери Виталия, у нее было четверо сыновей, а у него лапочка-дочка. И Карина нашла их всех, никто не остался в живых кроме Виталия, его матери и Карины.

– Да, Виталий, я твоя сестра, – и она наклонилась к нему и прижалась щекой.

Они оба приехали в небольшой городок под Москвой где жила их мать, мачеха. Она снова вышла замуж и вполне удачно за отставного генерала с дачей, квартирой и прочими заслугами перед Родиной. Родила ему дочь, у нее росли внуки. Была вечеринка, много гостей, младшей внучке было три года.

Виталий и Карина купили большую куклу и сразу же подарили девочке, и она улыбнувшись взяла подарок. И Карина увидела, как малышка похожа на Виталия, а тот на свою мать. Но только внешне.

Женщина смеялась, улыбалась, приветствовала гостей. А Виталий просто молча наблюдал.

– Ты хотела ее убить? – тихо спросил он у Карины.

– И не раз. И ее мужа, и рассказать ему и ее дочке кто она. У меня были возможности, поверь.

– А что помешало?

– Я сама. Я поняла, что не смогу с этим жить. И прошлое от этого не изменится. Но сейчас мне легче. Я вижу человека, женщину, мать, бабушку. она не монстр. Я хочу и могу жить дальше. А ты как?

– Я хочу к сыну.

Они улыбнулись друг другу.

Тот же мужчина сидел у нее в кабинете. Он опять был последним, с зонтом, хотя дождя уже давно не было.

– Вы не понимаете, что я пережил.

– Пока вы молчите ваши монстры живут внутри вас.

– Вы не знаете, о чем говорите, – и он посмотрел в ее глаза, потом на стол.

На столе появились фотографии мужчины с семьей.

– Похож на вас. Брат? – спросил он Карину.

– Да, брат. Он живет в Беларуси.

– А вы здесь?

– Я сбежала сюда от своих чудовищ. Пришлось вернуться, они оказались маленькими и ничтожными.

Мужчина помедлил.

– Иногда мне хочется уйти из дома и не вернуться. Что тогда сделает моя жена?

– Не знаю. Возможно замучает ваших детей или сойдет с ума от горя, чувства вины. Или снова выйдет замуж и будет жить дальше.

Карина прокашлялась и спросила:» Скажите, может вы хотели бы подумать, что и как у вас может измениться в вашей жизни? А?»

Просто длинная дорога

На семью Кожевниковых одни за другими сыпались несчастья.

Заболел дед, и его четверо детей при его жизни стали делить дом, сбережения, ругаться между собой и с его женой. После смерти бабушки погиб старший сын. Задохнулся угарным газом в доме куда уже приезжали только его дети. Дочки деда развелись, оказалось у обеих браки давно были только для виду.

Одна уже лет десять жила с другим, а вторая знала, что у мужа есть фактически другая семья. Четвертый ребенок, ещё один сын, пытался все время отстраниться то от болезни отца, то от разногласий старших.

Он приезжал иногда в дом после смерти отца и старшего брата, чинил ставни, красил окна, сажил деревья, готовил еду для приезжающих племянников.

Его звали Сашка, ему уже было тридцать пять. У него не было постоянного места жительства, работы, в неизвестном ему направлении жили бывшие жена номер один, жена номер два. От каждой был ребенок с которыми он не общался.

Зато Сашка легко соглашался нянчиться с племянниками пока сам был малой, со старшими детьми у него была разница от десяти до пятнадцати лет. И с племянниками у него сложились отношения лучше, чем с родителями, братьями и сестрами.

Одна из них Лиза, на днях ей исполнилось восемнадцать приехала в опустевший дом и увидела Сашу, произнесла: «А я вот надеялась на одиночество. Так нет же ты тут торчишь»

Девушка переделалась в старые джинсы и свитер и ушла копать в огороде, который садила до сих пор бабушка, проживающая у дочери. Лиза не появилась даже когда Саша специально открыл все окна чтобы приманить ее вкусными запахами вареной картошки с луком и омлетом. Все как любила Лиза.

Девушка не пришла и позже, попить чаю с печенками, и не вышла потрепаться с двоюродными братом и сестрой которые приехали на два часика, взяли картошки с собой, рассказали последние новости и уехали.

Потом Сашка как настоящий шпион засек что девушка в туалет ходит, в кустах у нее сумка, и оттуда она иногда достает бутылку с водой, свои печенки и книгу. Вечером Саша решил уехать домой, печка нетопленая, весной тут холодно ночевать. Он был уверен, что девушка уже уехала.

Но Лиза сидела около сарайчика, в котором, когда-то жили курочки, коровка.

– Ты всё ещё хочешь одиночества?

– Ты же тоже заметил, что после его смерти все разладилось? – сказала Лиза как будто они не молчали весь день, а продолжали беседу.

– Ты про деда, или Севу?

– А мы с дядей Севой общались? – Лиза фыркнула, – я помню только как он орал на нас тут всех, когда мы бегали во дворе. И как показывал пальцем как надо работать. Он, кстати больше остальных похож был на деда. Только дед меня любил и замечал, а дядя Сева нет. Потому что не любил мою маму.

Саша устался на девушку, встал вспоминать.

– Сева был старший, родители много работали и часто он оставался с нами. С него всегда был большой спрос. Дед ремнем наказывал Севу за любой его и наш проступок. Твоя мать была обычным ребенком, но очень любопытным. Бывало, придет с работы, сядет с нами и слушает что рассказывает именно она. Сева мог ей завидовать. Но и ей было не сладко.

– В каком смысле? И откуда ты все это помнишь, ты младше их и намного.

– Мама говорила, и они. И помню. Мы все отца боялись. Твоя мама часто врал на счет оценок, боялась принести двойку. Отец ее не бил, просто не брал на колени, игнорировал.

Лиза посмотрела на свои кроссовки и потом на солнечный свет угасающий в кроне деревьев.

– С отцом у нее тоже так было. Такое ощущение что она все время чувствовала, что недостаточно хороша для него. Хотя знала про его семью на стороне, и все равно до сих пор считает себя виноватой.

Саша присел рядом с Лизой и обнял за плечи.

– Никто никого не любит, дядя Саша. И дом этот тоже никому не нужен. Понимаешь? – тихо как потерянный котенок сказала Лиза, не глядя на Сашу, – Их не научили, вот и они не умеют. Наверное, и деда ремнем или игнорировали.

– Лиза, но было и есть не только это – ремень и молчание. И твоя мать по-своему счастлива. У нее есть ты.

– Я не очень ее радую. Учусь так себе, кавалер – Лиза поморщилась, и повторила, пытаясь подражать голосу матери, – никудышный.

– А тебе нравится учиться? А кавалер?

– Вообще-то да, я люблю учиться. А парень нет, не нравится, но другого нет. Все уже в отношениях, а я вот нет.

Саша не очень хотел продолжать про отношения, он же не мать. Но сейчас понимал, как девочка открывается, почувствовал не получится отойти в сторонку.

– Он тебя принуждает делать то что ты не хочешь?

Лиза быстро кивнула головой и быстро попросила: «Позвони ему? Скажи, что-угодно только бы отстал. А то я сама не могу. И мысли такие идиотские. И по деду скучаю очень, может он и не умел любить как мне нужно было. Но он меня слушал как ты сейчас, верил, что я стану хорошим музыкантом. Мать плачет в последнее время много, его вспоминает, говорит если бы не он все у нее по-другому сложилось. Я от нее такого при жизни деда ни разу не слышала. И отца она ненавидит, и себя.

Лиза уткнулась в плечо Саше и заплакала. Саша молча гладил ее по голове. И подумал о своей жизни в которой он не живет, а так бегаёт по краешку. И заболело внутри. Ведь где-то у него есть такая же дочь как Лиза, и он никогда ее не видел, не общался, а о ее возрасте узнал потому что перестал приходить исполнительный лист. Ее зовут Оля.

Лиза успокоилась, отстранилась.

– Саша какой смысл в жизни? Не только твоей, каждого человека.

Саша задумался.

– Не знаю.

– И я не знаю. Бабушка сказала растить детей и кормить мужа. Про любовь тоже ни слова. Они замолчали.

Лиза первая опять заговорила:

– А ведь ты мог уехать сегодня домой, и я бы тут сидела, и думала, и ревела сама с собой.

– Не, я не мог.

– Почему?

Саша улыбнулся, прислушался к себе:

– Потому что я люблю тебя Лиза. И мне важно, что происходит с тобой.

– А если бы я послала тебя?

– Я бы не ушел.

– Убежала?

– Догнал бы и не отпустил.

– Обзывалась, билась, тоже бы не ушел?

– Остался бы. И ты ведь не убежала. Слушаешь, спрашиваешь мнение. Ты почему сейчас здесь и со мной?

Лиза помолчала секунду и заплакала, обняла Сашу: «Потому что и я тебя люблю»

Они опоздали на автобус, но их подвезли соседи на своей машине.

Лиза сама рассталась со своим парнем. А Саша поехал искать свою старшую дочь, и затем младшую. Мама Лизы снова вышла замуж. В дом Кожевниковых заселился сын Севы с семьей, остальные приезжали редко.

Возьми меня за руку

– Нелепая, нелепая пронеслось в толпе. И какая молодая, – пронеслось в толпе.

Света хотела сказать, что с ней все в порядке, и вы можете разойтись. Но встать и сказать она уже не могла.

Свете еще не было пяти лет, когда она поняла, что она не такая как мама и папа, и тетенька, которая каждый раз улыбается ей, когда у нее покупают мороженое.

На днях умерла бабушка и Света чтобы успокоить грустную и плачущую маму сказала, что у бабушки все хорошо, она с ней говорила, та передает привет. Никто не обратил внимание на слова ребенка.

Но потом некоторые взрослые стали побаиваться сначала Светиных слов, которые сбывались и перестали приходить к ее родителям. Те ругались день и ночь. Светина мама водила дочку к психологу, та говорила, что ребенок очень одаренный и просто у нее богатая фантазия.

Но девочка рассказала про ее погибшую сестру, и что та кушала сегодня утром, и психолог посмотрела на Свету другими глазами. И Анна Ивановна стала ее первым другом.

– Приходи и рассказывай все что вспомнишь, записывай. Просто у тебя такой дар, как у кого-то рисовать, вышивать, писать стихи. Многие не понимают ни картин, ни книг, ни стихов, но все равно все эти прекрасные вещи существуют. Как и твои миры.

– Или жизни. Мне кажется многое из того что я помню уже проживала или даже проживаю.

– Возможно. Доверяй своим ощущениям.

– Я хотела бы быть как все, или просто хорошо рисовать, учиться. Иногда я вижу человека и понимаю от чего он умрет, что сделает через пять минут.

– А варианты возможностей? Вдруг твои видения не сбываются.

Светка моргнула, задумалась, ей уже было пятнадцать лет, но иногда она чувствовала себя старушкой, перевидавшей все. И она выбрала три объекта для слежки. Выбор был очевиден.

Бывший папа, его новая жена и их пасынок Вова.

Пасынок был ее ровесником и более зловредным чем она. Светка видела, как он огрызался и со своей матерью, и с отчимом, и с соседями.

– Тебе чего надо? Папаша придет через час, – он хмуро смотрел на нее через длинную челку и не уходил.

В это мгновение Света была не с ним, а в другом городе, где была катастрофа. Океан вышел из берегов и волной сносил здание за зданием, людей. Были слышны крики. Света закрыла уши и присела на корточки. Вова подошел к ней и сел рядом.

Через пару минут Света встала, и они молча пошли вместе.

Теперь почему-то отец стал чаще приходить к матери, вовремя платить алименты, стал более приветливым. Иногда с ним приходил Вова. Он ни о чем не говорил и не спрашивал, просто сидел рядом, помогал делать алгебру.

После школы Света поступила в медицинский, Вова уехал в другой город, он хотел быть художником. Они молча прощались на перроне, его мать, ее отец, Вова и Света. И перед самым отъездом Вова запрыгнул на подножку, отдал билет проводнице, а потом спрыгнул и поцеловал Свету.

– Я женюсь на тебе. Слышишь?

Девушка изумленно смотрела на Вову, уходящий поезд и прислушивалась к себе. И она поняла и тихо сказала, а ей показалось закричала: «Я согласна». Потом были письма, он ей три слова, и она ему пять. Звонки. Вова молчит, и она тоже. Но молчание было наполняющим.

Пациенты к Светке тянулись как цветы к солнышку. Иногда она путала имена, но никогда то что было для них важным. Один хочет утешения и поддержки, другой чтобы с ним посидели рядом, третий чтобы оставили в покое. Врачи боялись. Она уже не говорила о том, что видит, только диагнозы и ощущения. И тут она часто оказывалась права. Такая молоденькая, а опыт и знания как у профессора.

В нее влюблялись, но Света умела отгонять ненужное как мух.

Анна Ивановна оказалась права были варианты возможностей, люди избегали смерти, выздоравливали, мирились, наоборот шли к верной гибели. Много зависело от выбора человека.

Мать прятала письма Вовы, была против их отношений. Но Света чувствовала это и звонила ему в тот же день.

Вова учился, работал, организовал выставку таких же как он начинающих и приехал домой.

– Соскучился?

– Очень, – теперь Вова уже смелее брал ее руки в свои.

И они гуляли от рассвета до заката. Обе матери встречали их с рыданиями и причитаниями.

Детям надо учиться. «Дети» смеялись, но так без злобы, понимали страхи взрослых.

Последний день был особенный. И ночь была сладкой. Света проснулась рядом с ним от ужаса. Она опять видела смерть, погибают люди.

– Солнце, – Вова вздохнул, и так тихо сказал, как никогда не говорил, – мы оба уже понимаем, что умирает только тело. А душа будет жить вечно.

Света внимательно слушала Вову и осознала смысл его признания.

– Ты тоже чувствуешь, да?

Вова кивнул. Светка обняла его крепко. Какая же я дура? Какой же ты идиот! Вова расмеялся.

Оба хороши. Подходящая пара.

Ей позвонили ночью, очень быстро говорили. Света положила трубку, она пришла с ночного дежурства и долго не могла понять или принять сказанное. А потом села, рухнула как он когда-то с ней, на колени.

И вспомнила их последний разговор. И запела то ли колыбельную, то ли что-то похожее, почему-то показалось что ему эта мелодия нравилась.

А через пару дней Светка переходила дорогу и на проезжую часть выбежала собака. Она металась, машины объезжали, гудели, люди фотографировали. И только одна маленькая девочка вырвала руку у мамы и побежала к собаке.

Света увидела, как девочка умрет, страдания ее матери и знала, что уже сделает и как будет болеть сердце и ее матери, и мамы Вовы, отца. Ну ничего.

И Света быстро побежала вперед, заслонив собой девочку с собакой. Нелепая смерть. Какая молодая.

«Со мной все в порядке, я уже с тем, кого люблю больше жизни». Но она не сказала, и люди не услышали.

Вера Петровна

Вера Петровна сидела на скамеечке и смотрела на проходящих людей, боялась пропустить внучку. В прошлый раз та под предлогом того, что не заметила бабушку сказала, что долго звонила в дверь, а потом ушла.

Что-то прошелестело рядом с ней. Как хорошо подуло свежим ветерком в такую жаркую погоду.

Тогда тоже солнце палило.

Земля казалось, разрывалась от снарядов, стонов умирающих и раненых. Она в далеком сорок третьем была санитаркой молоденькой, но крепкой.

Вся в отца пошла, тот мальчика хотел, а родилась пятая девка. Да как пацан, по деревьям лазила, отцу кузнецу помогала его железки таскать, с ним на охоту ходила, роды у коров помогала принимать. Вот и пригодилась ее силушка на войне таскать солдат на себе, делать перевязки, а иногда закрывать собой. Закрyla одного такого, а он плачет, просится домой, к маме, ногу ему оторвало. Вера говорила, шептала ему, и сама боялась заплакать. Ненавидела она эту проклятую войну всей душой.

А однажды спасла немца, непонятно как он оказался в том лесу, хотели сразу его убить как шпиона, потом приказа ждали от высшего начальства. А он воды принес девчонкам и кашу всем приготовил. Многие боялись есть, но голод победил и после его первой ложки набросились на еду. Так и остался с ними он, пока за ним не приехали. Потом солдаты узнавали про него, но все в пустую.

Вера после Победы возвращалась в пустой дом, знала, что все ее погибли, кто от голода, кто от болезни, отца убили. Дома было сыро и холодно, она присела на лавочку и не выходила. Ждала и сама не знала чего.

Через пару дней над поселком заиграли колокола церковные. Люди выбежали на улицу, крестились даже партийные и радовались. И Вера прибежала, и увидела того солдатика одного.

Опять плакал и смотрел на нее не отрываясь. Поженились они и поехали в город. Тяжело было и грязно. Аресты, сиди тихо.

Непонятно где враг, где свой. Детей у них не было своих, и они взяли троих беспризорников. Дети выросли и разлетелись дальше как птицы, но возвращались иногда и ненадолго.

Вера работала учительницей русского языка и литературы. И к ним приехала делегация для поддержки межнациональных связей. Были и немцы. Вера не могла с ними находиться в одной комнате, болели сразу старые раны. Она понимала, что эти ни в чем не виноваты, как и те на войне.

Но не могла переступить через себя.

Муж умер в дороге. Ехал к одному из сыновей, сердце остановилось. Вера плакала, вспоминала их первую и вторую встречу и понимала да есть за что благодарить даже в самые печальные дни.

Но вот приехал средний сын и привез с собой девочку. Он женился в третий раз, а жена, мать девочки и вовсе сбежала в неизвестном направлении. Попросил мать присмотреть за Аленкой.

И осталась Алена на долгие годы с ней.

И силы в ней появились как в ее двадцать лет, только не нужно было железки таскать, а за ребенком бегать то в садик, школу. Когда выросла Алена, Вера быстро поняла, что не нужна.

Почувствовала, что стесняется ее девочка. И правильно, ведь стара и не помнит многого, и не понимает.

Вера Петровна схватилась за палку и попробовала встать, да покачнулась.

Очнулась она в больнице, смотрит на нее молодой парень:

– Ты не Вася?

– Нет, а кто это?

– Муж, думал пришел меня забрать к себе. Умер он, я хочу к нему.

Парень рассмеялся:

– Баба Вера, я на вашей внучке хочу жениться. А у нас ребенок будет, помощь ваша нужна очень. Так что пусть дед Василий подождет.

Баба Вера заплакала и сказала: «Ладно, соколик, уговорил, Васька у меня терпеливый».

Лида и волк

Дед Лиды был лесничим, лес был для него родным домом и для его внучки все тропинки, деревья, букашки тоже стали своими. Тем более с людьми Лида не любила и не хотела говорить. В школе

она училась плохо, дралась с мальчиками и девочками. Деда вызывали и не раз, но он смеялся, делал комплименты учительницам и уходил. Никто не знал куда исчезли его сын с невесткой, просто однажды в деревне появилась диковатая девочка.

И здесь были те, кто жил лучше других, дом с десятью комнатами, а живут трое. Торгуют своим с прибылью. Это были Дюжевы. С их молчаливого согласия деревенские невзлюбили Лиду и ее деда.

Дед поймал старшего из Дюжевых то ли за ловлей, то ли еще за чем-то. Поругались и Дюжев ничего не простил. У Дюжева были деньги, они как-будто из поколения в поколение шли всем в его роду. А деньги это и влияние.

Но деду было наплевать на слухи, нелюбовь, одиночество маленькой и потом взрослеющей внучки. Лида нашла волчонка за год до смерти деда. И, наверное, если бы это случилось раньше, дед бы не разрешил его взять.

А тут видать чувствовал старуху с косой, и задумался о своей «малявке», как он называл ее даже в двадцать лет.

– Трудно тебе будет с ним. Ты привяжешься, а он уйдет в лес.

– Я уже люблю его. Если уйдет значит так надо.

Волчонок хромал, болел, плохо ел. Лида смотрела за ним как за маленьким, и он выжил. И дед видел, принял за «свою». Так они теперь и гуляли, вместе ходили в магазин, по деревне, даже ездили в город.

– Ой, деда, там никто на него и не обратил внимания, видно навидались диковинок и без нашего волка.

Неизвестно зачем сын Дюжевых – Антон попытался отравить волка. Девушка заметила, как тот что-то давал ее другу, и тот потом заболел.

Лида пришла к нему в тот же день и тихо с вызовом сказала: «Еще раз к нам, к нему подойдешь хату вашу спалю, и ты ни хрена не докажешь. Надеюсь ты меня понял!»

Дюжевы даже перекрестились, а Лида видела, как старший дал сыну подзатыльник.

Волк первым почувствовал, что с дедом что-то не так. Он скулил вместо радостного лая, когда увидел того приехавшего из города. Дед попросил Лиду спечь блинчиков, а сам ушел в лес, там она его и нашла сидящем на пеньке и смотрящим вдаль.

Теперь Лида стала лесничим, она и знала больше чем приезжающие экологи, биологи, да и те не хотели оставаться надолго в тех краях.

Шли годы. Лида жила с волком.

Антон Дюжев женился и у него родился сын Коля. Почему-то его сын любил приходить и гулять у Лиды. Та не гнала, да и волк его не трогал, смотрел просто внимательно.

В деревню иногда совершали набеги наркоманы, они крали зеленые головки мака у тех, кто сажал. И в тот год тоже.

Хотя многие уже не садили, во-первых, штрафы, во-вторых вместо мака в булку можно насыпать что-нибудь повкуснее.

Но Дюжевы посадили. Во дворе сидел мальчонка.

Парень под кайфом схватил ребенка, мальчик стал плакать, отбиваться. Тот разозлился, позвал своих. С ребенком стали играть как с мячиком оголтелые молодые больные ребята. У кого-то в руке оказался нож. Во двор зашел Дюжев. Он в панике не знал, что делать.

И тут появился волк, он напал на того что с ножиком. Наркоман заорал, завизжал, выронил мальчика. Подбежали другие наркоманы. Дюжев схватил Кольку и только теперь догадался вызвать милицию и скорую. Волка ранили. Наркоманов поймали. Дюжевым дали штраф.

Лида принесла умирающего волка в лес и держала до последнего за лапу. На мгновение ей показалось, что дед стоит рядом и обнимает ее за плечи.

Дюжев после этого случая не разрешал своему сыну подходить к дому Лиды. А вскоре они уехали совсем. А она и не ждала никого, Лида жила лесом.

Шло время. Лида казалось не стареет.

Уже женился Коля Дюжев, сын Антона. Он иногда заходил в гости к Лиде и с удовольствием слушал ее рассказы про лес, травы, деревья и они вместе вспоминали волка.

– А знаете, тетя Лида, я ведь останусь жить в деревне. И жена хочет. Вы ей тоже нравитесь. Научите нас всему что знаете. Я хочу заботиться о нашем лесе так же, как и вы.

Лида выронила тарелку с супом и уставилась на мальчишку, нет юношу. А она думала, что рядом с ней в старости будут только тени ее деда и волка.

Коля протянул свою большую руку к ней и накрыл ее маленькую ладонь.

Любовь

Иван проснулся от того что его гладили по щеке. Окно было широко открыто и солнечные зайчики играли на потолке, стенах отбиваясь от зеркала. Лена повернулась, проговаривая во сне диалог из новой роли. Иван поцеловал ее. Лена проснулась и потянулась к нему.

Иван проснулся от собственного крика, он кого-то догонял во сне. Окно было открыто, подул свежим ветерком, гудели машины. Письмо. Оно лежало, давя своим весом на стол и окружающее пространство. Его написала биологическая мать. Она хочет с ним встретиться. Но хочет ли этого Иван?

Другая женщина была для Вани и отцом, и матерью.

Сколько раз он сам порывался их обоих найти и высказать все, и показать все свои письма к ним обоим в свои двенадцать пятнадцать лет. Познакомить с первой девушкой, женой. Радовать успехами в учебе и на работе.

И сколько вины было после развода с Ольгой перед ней и маленькой дочкой. Где тогда была его мать?

В кафе было мало людей, кто-то курил, говорил, уходил, делал заказ.

Иван узнал ее сразу. Глаза матери были глазами его дочки. Они смотрели друг на друга не отрываясь. Лучшее и худшее мгновение. Иван вспомнил улыбку маленькой дочки, свою первую любовь, как жалела другая мама его разбитые коленки. В его жизни было столько любви. Он может поделиться.

Иван подошел к столику и сел напротив матери.

Лена сидела в том же кафе, ничего не видя перед собой. Болела голова, ныло в грудной клетке.

Хозяйка выгоняет из съемной квартиры, на работу возьмут, не возьмут, парень изменил с подругой. Лена достала кошелек, она не сможет заплатить за эту чашку кофе!

Когда к ней подошел официант, Лена мужественно признала факт отсутствия денег. Тот махнул рукой и сказал: «Я вас узнал, ходил на ваш последний спектакль с бывшей. Не переживайте, кофе за счет заведения».

– Вам понравилась моя роль?

– Честно, нет. И спектакль был скучный. Но потом я расстался со своей девушкой, и это было к лучшему. Хорошего дня!

Лена рассмеялась от облегчения, доброму поступку, вновь просыпающейся веры в себя и в свои силы. Смех рассыпался колокольчиком по кафе играя цветами и красками настроений других посетителей кафе. Иван повернулся в ее сторону. Лена почувствовала его взгляд. Они улыбнулись друг другу как старые знакомые.

И мать сказала: «Сынок, пригласи девушку к нам за столик».

Странный сон

– Любы мой, даражэньки, – пели девушки заплетая друг дружке в волосы цветы. Голоса неслись ввысь и на всю деревню подзывая холостых парней на праздник Ивана Купалы.

Аленка пела тише остальных, но бабы, мужики с горилкой, девицы не с такими горящими глазами и золотыми косами крестились и плакали. Отец Аленки выбрал девушке мужа богатого и знатного, а любит девушка парня простого и бедного, своего Иванку.

– Ах, Иванко, – тихо шептала на ухо Аленка медовым голосом любимому, – хочу с тобою быть каждую минуту.

– И я, Аленка, – вторил ей Иван, бережно обнимая любимую, – убежим с тобой на край света.

– Батька, найдет и забьёт цябе и меня проклянет.

– Нет, нет, – Иван поцеловал глаза, волосы.

Вдали горели костры. Были слышны крики, смех, песни и шумели травы, ветры. Павлина бежала сломя голову к влюбленным, она видела отца Алены то ли с палкой в руке, то ли с топором. И услышала крик подружки: Убил, ты его убил! Люди, травы, песни погасли вместе с еще не взошедшим солнцем.

Полинка проснулась, потянулась, посмотрела по сторонам, рядом незнакомый парень. Да, мм, кажись она уже старовата для таких отношений. Бок с левой стороны заболел сильно, захотелось скрутиться. Да что ж это такое? После вечеринки обычно голова болит. Отдышалась.

И еще и сон этот.

В голове так и стояли эти поющие девушки. И Алена эта с ее тоскующей как падающая птица вниз песней.

– Эй, – Полина ткнула тихо посапывающего кавалера, – Ты не знаешь, когда празднуется Ивана Купала?

Кавалер что-то сонно пробормотал. Рядом с кроватью на тумбочке стоял букетик сухих трав – полыни, мать и мачехи и чего-то еще. Горькая полынь перебивала все и возвращала вновь в сон.

Полина задумавшись стала одеваться, что-то перекусила, взяла телефон и сумочку и вышла.

Уличный шум, звонки мобильных, чужие разговоры были после сна как глоток воздуха.

Полина вошла в студию последней.

Ее ждали девушки, продюсер журнала, секретарь. Они одновременно кричали, просили, требовали. Полина взяла фотоаппарат, здесь она режиссер и ее партия главная. Она была спокойна, внимательна, ненавязчива, говорила мало, не реагировала на шутки и претензии. Окружающие успокоились и двигались так как нужно было ей. Полина не сразу заметила сидящего в углу красавчика.

Такому бы сниматься в голливудских блокбастерах, правильные черты лица, завораживающие глаза, обворожительная улыбка.

Телефон Полины зазвонил и опять, но уже не так сильно заболел левый бок.

– А вы почему не участвуете в съемках? – недовольно спросила Алена красавчика.

– Хм, – сказал он.

И Полина почувствовала, как все сразу перестали говорить и уставились на нее.

– Я ваш новый босс, – просто сказал красавчик, – Александр Сергеевич.

Кто-то рассмеялся, и осколки разбитой тишины посыпались вместе со звоном вниз.

– Вам звонят», – сказал Александр Полине, пока остальные подчиненные разбежались в разные стороны. Полина подняла трубку.

– Привет, ты случайно взяла мой телефон, – сказали в трубке очень вежливо, как будто постучались.

Полина глянула на Александра, телефон и сказала позвонившему: Я приеду попозже, а может и раньше если меня сейчас уволят. И нажала отбой. Александр улыбнулся: Мне не за что вас увольнять! Вы хорошо работаете.

Полина кивнула головой, извинилась и ушла в свой кабинет фильтровать свои фотографии. Через час, другой Полина спустилась в кафе чтобы выпить кофе и единственный свободный столик был занят ее боссом. Он махнул ей рукой как старой знакомой.

Полина села рядом с ним и только когда ей принесли заказ, поняла, что они оба не сговариваясь заказали одинаковое. Александр тоже заметил это и улыбнулся. Еще минутка и она возьмет его за руку, такой он свой и родной. Да, что с ней такое? И этот запах, и в голове опять закрутились песни.

Полина закрыла глаза и увидела Аленку, рыдающую над Иваном.

Зазвонил в кармане ни ее телефон. Полина съела, выпила и ушла не прощаясь, да и боссу как раз звонили. Они не говорили.

Полина вышла на улицу чтобы поймать такси и услышала крик.

– Дура, ты зачем лезешь под колеса?! Из-за тебя, в тюрьму садиться? – и к ней бежит толстый мужик, какие-то люди, босс, Аленка, ну все она сходит с ума. Александр взял ее на руки, Полина смотрела ему в глаза. Левый бок болел и болел. Она закрыла глаза. Открыла и увидела чистое поле. Цветы, тонкий горький аромат полыни стягивающий как чьи-то руки.

Открыла.

Александр тихонько гладил по голове:

– Мне тоже снится этот сон, и запах, и песни. Ты мой, Иванко, любви мой.

– Алена...

Саша кивнул.

Полина заплакала.

– С тобой все в порядке, Полина, ты просто упала. А этот таксист очень похож на моего отца.

– Этого не может быть, мне кажется мы все-таки сбежали тогда, он не убил меня. Бред какой-то.

– Ну что жива? – спросил таксист, – Ох и напугала ты меня девонька, – Куда везти? В загс? В больницу?

Саша с Полиной переглянулись, и одновременно увидели улицы, таксиста, людей, чистое поле, чувствуя запах полыни, костров и песен, разбивающих сердце.

История моих родителей

Я родилась потому что звезды и небо были частью не только Вселенной, но и моей семьи. Отец еще подростком строил телескопы и часами мог смотреть на звезды. Моя мать читала книжки, рисовала, танцевала и никакого внимания не обращала на этого вихрастого худошавого малолетку, хотя сама была старше только на год.

Она мечтала вырваться из маленького городка, от тихой и монотонной жизни, возможности работать на одной из двух фабрик, места где все тебя знают всю жизнь, и ты их знаешь тоже.

Танец был ее билетом в мечту.

Она уже выигрывала и не раз в своем и ни только городе всевозможные конкурсы, ее снимали на телевидение, писали в газетах. Ее хотели взять танцовщицей в знаменитую группу. Она должна была поехать на пробы.

Ее подруга Женя везла ее в своем автомобиле, смеясь рассказывала: Ты бы видела его лицо. Я пыталась его поцеловать, а он испуганно мне треплется про большое созвездие медведицы.

Это все что запомнила моя мать в последние минуты.

Потом она видела свет, тоннель, почувствовала любовь, увидела еще какие— то картинки и проснулась от боли. Болело все от кончиков пальцев до корней волос. В тот день она увидела свое лицо, правую ногу, чуть ли не заштопанную во всех местах и поняла можно попрощаться с мечтой навсегда.

Через пару дней к ней в палату с цветами пришел мой отец, он был в костюме клоуна падал, наступая на свои туфли, говорил смешным голосом, читал детские стишки. Соседки, которые были с мамой в палате смеялись, принимая шарики в виде цветочков, зайчиков и непонятных существ.

Мама грустно смотрела в окно.

Рядом на больничной тумбочке лежали ее любимые «Мастер и Маргарита», «Ромео и Джульетта», «Джейн Эйр».

Клоун, мой отец посмотрел на все это и попросил писклявым детским голосом выпуская из носа мыльные пузыри: «А букварь у тебя есть? А то я совсем читать не умею». Мама почему-то рассмеялась, хотя совсем не хотела и сказала, пытаюсь его скопировать: «Нет».

Клоун обиделся: «Передразниваешь?» – достал из ее уха пищалку.

Мама и соседки уже хохотали во весь голос.

После выписки мама узнала про отца, и удивилась, они жили совсем рядом и, если честно она считала его странным.

А он всего лишь любил звезды и помогал людям.

– Ты думала я придурок?

– Нет, – блаженно улыбалась она, когда они уже вместе лежали или на крыше чердака, или сидели на капоте машины и изучали уже вместе свои тела и Вселенной.

– Я подавал тебе сигналы в школе. Ты не обращала на меня никакого внимания.

– Какие сигналы?

– Как-то я засунул тебе лягушку в сумку с намеком что ты принцесса, спас твоего кота, перелезавшего в неподобающем месте, подарил тебе букет ромашек на день рождения, назвал звезду в честь тебя.

– Ух, ты! А ты, не мог просто подойти ко мне и познакомиться? – рассмеявшись спросила моя мама.

– Я боялся. Кстати твоя подруга Женя может быть крестной нашего сына.

– Что? Тебе нет еще восемнадцати.

– Какая же это ерунда, милая, – отец поцеловал маму, – время не существует. Есть только мы и наши близкие.

Дальше их истории расходятся. Кто кого уговаривал жениться, выйти замуж, как подбирали имена мне и брату.

Завтра в нашем городе праздник, день равноденствия. И наша мама будет танцевать на сцене спустя много лет. А я буду сидеть на шее отца, внизу будет брат и куча других людей и мы все будем кричать, петь: Йоххууу, ла, ла.

За чертой

Дмитрий ел, смакуя каждый кусочек им приготовленный, мясо казалось самым сочным, салат очень питательным. Здесь не играло радио, не работал телефон и не было вообще никаких источников связи. А он давно от этого устал. В последний раз, когда жена хотела новый телефон, Дима впервые соврал, сказал, что перепутал и купил ей тоненькую золотую цепочку. Жена удивилась и поблагодарила. Потом телефон купила себе сама.

И зачем он сейчас об этом?

Нет бы дочку вспомнить как в первый класс пошла и радовалась, а потом неделю плакала и говорила, что больше не пойдет. Дима пришел тогда к ней и читал сказки, говорил о своих школьных друзьях, об физике и химии, которые ждут его солнышко Алenuшку.

Или как они втроем съездили в Палангу, встретили там старых друзей и уже семьями ходили к морю, по музеям. Те ночи вновь вернули им с женой страстность и нежность в их отношения.

Только спустя время, из случайного письма, найденного при уборке Дима узнал, что это путешествие спасло их брак. Жена собиралась уходить к другому.

Опять он об этом.

Перед тем как Дима узнал о своей болезни он раздражался, злился по поводу и без, фирма разваливалась на части, и ничего не хотелось. Жена терпела, дочь прощала и любила. А может он, Дима всегда был таким? Ему всего лишь 38 лет, а что он сделал, как жил?

Ушел из дома в 15, построил свой бизнес с нуля, жене не изменял никогда, дочь любил без памяти.

А в чем был смысл? Что он понял? Были ли счастливы его близкие? Он сам? До операции Дима бредил всеми этими вопросами и не мог найти ответов. Он чувствовал, что не вернется. Значит уйдет так.

Почему-то вспомнил отца, как они встретились через годы и тот удивился, что Дима не спился, и вообще еще жив.

– И что жену свою не бьешь? – рассмеявшись спросил тот.

Дима ничего не сказал тогда, просто вышел из кафе. Больше они не виделись.

Дима вышел из домика, перед ним простиралось море и горы, место показалось знакомым и даже родным. Дима чувствовал если сядет в лодку, то все закончится. И любая боль вместе с воспоминаниями уйдет. Диме показалось, что он слышит голос. И как— будто рядом отец и просит прощения. Дима закрыл глаза и заплакал. Он молился и тоже просил прощения у тех, кого знал и помнил, у всех. И стало легче.

Дима открыл глаза.

Рядом стояли жена Света и дочь Алена, врач и медсестра, и что-то говорили. Операция прошла успешно, Дима будет жить. Во время выписки Дима опять же совершенно случайно узнал, что в тот день когда его оперировали в соседнее отделение привезли его отца. Он попал под машину, умер, когда привезли в больницу.

Лиза, Степка, Света и другие обстоятельства

1 часть

«Моя сестра пропала, когда мне было шестнадцать лет», – Лиза закурила. Она вообще много курила в последнее время. Рядом с ней сидел парнишка худенький, с челкой, одет в джинсы, свитер, курточку и кроссовки. Они обоим сидели на капоте ее старенькой машины.

До дня ее пропажи я даже не задумывалась люблю ли я ее, знаю ли о чем она думает и чего хочет.

Я жила в закутке собственного мира, читала, рисовала, сбегала с уроков, и уже попробовала свою первую сигарету. Если честно не понравилось. Так вот когда Дашка исчезла мир такой привычный и обыденный с чаем, шоколадками, мамой и папой рухнул. У родителей отношения поехали окончательно, сначала каждый обвинял другого, потом молчали сутками. Они не развелись и по сей день, но ад если и существует, то рядом с ними.

Я к ним уже и не звоню. В той квартире просто два тела не могущих быть ни вместе, ни раздельно.

А я стала думать про Дашку день и ночь. Потом носила ее тряпки, подружилась с ее знакомыми, парнем, – Лиза вздохнула, – был очень привлекательным и скучным.

Через какое-то время до меня дошло, что я и про себя ничего не знаю, но теперь я еще и фальшивая Даша. Бросила я все эти игры. Взясась за учебу, уехала из города, вышла замуж за хорошего парня без вредных привычек с маленькой квартирой. Я реже вспоминала о ней. Чувствовала каким-то нутром, Дашка не вернется. И уже не задумывалась о причинах ее поступка.

Как-то мы с мужем сидели в гостях и слушали чужие истории. Мы там были впервые, поэтому перед нами слегка рисовались, каждый хотел выглядеть лучше, чем он есть. И какой-то мужчинка средних лет рассказал, как он перестал любить театр. С собой покончила главная актриса.

Какая трагедия, нелепость и прозвучало имя Дарья. Я ничего и никого не слышала. Кто-то подал мне стакан воды, кажется муж. Когда я пришла в себя я попросила фотки если есть, хоть что-нибудь этой Даши.

У меня была истерика. Были и фотки, и видеозаписи, я ж говорю он был ее поклонником. Мы посмотрели один. Дашка вылитая мать, играла пропащую алкоголичку, которая уже ни во что не верить. Она сбежала, но не от себя.

Лиза повернулась к Степке.

– Слушай, а пошли ко мне домой племянник. То есть поехали, муж уже, наверное, пожарил картошки или сварил макарон, и мы покушаем, а?

Степка повернулся к ней и улыбнулся глазами Даши, сестры которую она так и не узнала, и кивнул головой.

2 часть

Даша собирала вещи очень и очень быстро, хотя знала, что никто ее не видит. Все спали, сестренка как всегда вылезла из-под одеяла, и Даша ее укрыла.

Даша четко осознавала, что видит сестру в последний раз и не планировала забрать потом когда-нибудь Лизу, не вернуться сюда, к родителям. Последние не были для нее плохими или жестокими, скорее никакими. Их жизнь была такой – иногда вместе в кино, в гости кому-нибудь, наказание – не купить, не выпустить из дому. Одну одноклассницу дома били за тройки, а ее с Лизой не проверяли, не интересовались домашней работой, школой.

А в ее Дашкиной жизни появился мужчина, намного старше. И другой, улыбался, смеялся каждой ее шутке, говорил комплименты, брал за руку очень бережно, рассказывал про другие страны, города. Даша слушала его не отрываясь. А потом он уехал, и она стала встречаться с Вадимом, он уже давно звал ее замуж.

Когда Даша забеременела, она поняла замуж не хочет, оставаться здесь не может. Плана не было, только мысли, диплом об окончании художественной школы и кое-какие вещи.

Даша быстро нашла работу, комнату в коммуналке с соседками бабушками, которые быстро взяли шефство над ней и малышом. Степка родился худенький, похожий скорее на маленькую Лизу, чем на нее или Вадима. Даша много бегала по городу принимая заказы, она рисовала все что хотели— от афиш до портретов.

Один из портретов понравился руководителю местного театра. Да и она сама тоже.

– У тебя хорошая внешность, и память, приходи к нам на репетицию.

– Зачем? – не поняла Даша, то ли ее соблазняют, то ли работу предлагают.

– Да, ты актриса. Тебе играть нужно. Ты как приходишь ко мне с кистями и красками целый спектакль разыгрываешь, рассказывая про своих соседок и сына. Сколько ему?

– Пять, – уже точно ничего не понимая сказала Даша.

– Пацана уже можно в детсад отдать. Приходи и ты не сможешь уйти, театр – это как дорога в один конец, – и он улыбнулся.

Даша и правда пропала сердцем, душой на первой же репетиции, когда ей дали роль в несколько слов. Не хотелось есть, спать, но она чувствовала себя легкой и счастливой. Сначала театр стал приработком, а потом основным заработком. Степа сидел за кулисами и завороженно смотрел за ней. Даше не завидовали, несмотря ни на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.